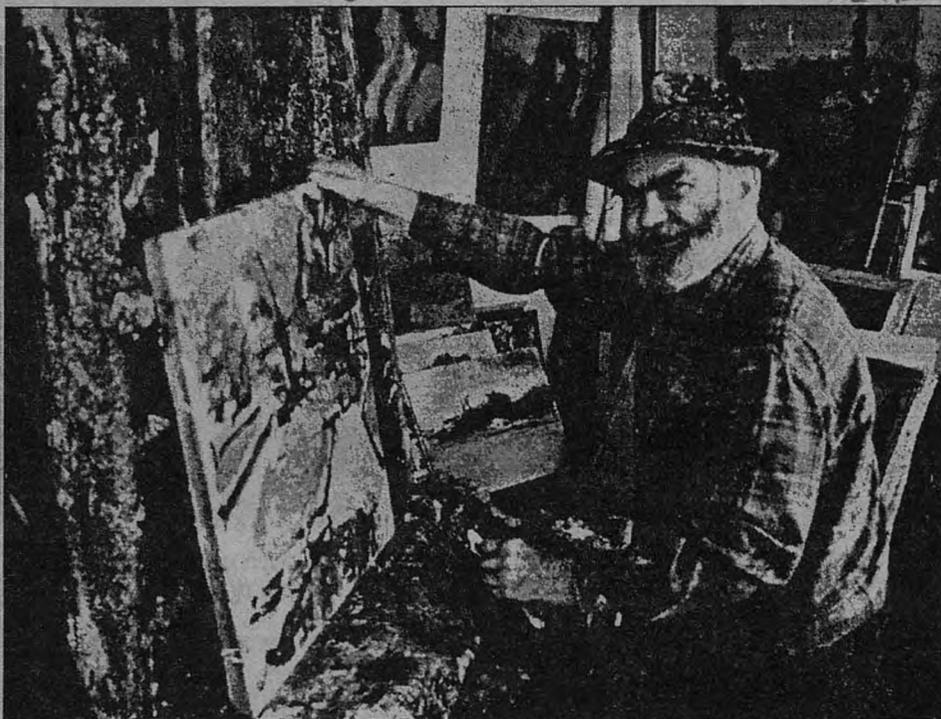

Когда правит живопись

Москва, художник, — 1996. — 2 Число

Арон Бух в мастерской.

Арон Бух рассказывает о себе неохотно. Необходимое для анкет: "родился" ... "учился" ... — более, в сущности, ничего. Остальное — про учителей.

В.Н.Бакшеева и Е.Ф.Юона, про первые и последующие выставки знаем не из разговоров, а из академического словаря. Тоже не густо, а впрочем, и ничему. Потому что Бух живет искусством, живописью, и только. Это не поза, не декларация, даже никакая не риторическая фраза, не гипербола. Трудно представить себе человеческую жизнь, в которую искусство вросло так глубоко и мощно, не оставив места более почти ничему. Притом он во все не отшельник, не анахорет с горящим взором, не "фанат". Он прост, дружелюбен, и часто виден на московских "тусовках", среди людей, ему близких, где ему и им интересно.

Но — рассказывают: однажды он целый день писал, расхаживая по мастерской на сломанной ноге — не знал, что она сломана, просто было очень больно. Почему то при этом, быва-

ет, улыбаются. А кто еще смог бы так?! Да чтобы без мысли о доходах, о наградах-званиях, из одной только любви к искусству, к живописи. Ну, кто, в самом деле?

Впрочем, не об этом речь.

В последние годы Арон Бух несколько раз показывал свои выставки, то меньше, то больше, всякий раз оставляя дома вдвое и второе против того, что удалось втиснуть в экспозицию. Наверное, он и писать стал в эти дозволенные годы больше прежнего. Потому что зыбкая в былые времена надежда — выставиться "когда-нибудь", когда "дойдет очередь", неведомо кем и по какому праву выстроенная, обернулась реальными возможностями и сроками — "будущем году", "Через три месяца" "послезавтра"...

Вот тут-то неожиданно и стала былью сказка, некогда рассказанная от имени знаменитого фантазера барона Мюнхаузена. Он-де услышал слова и целые фразы в теплом воздухе утра и понял, что они прозвучали миновавшей морозной ночью, и замерзли, повиснув в воздухе, а теперь оттаяли и стали слышны... Многое, многое "оттаяло" в искусстве Буха, и сам он, весь целиком, и другие, такие, как он.

Представшее на выставках последних лет искусство Буха не так уж богато по репертуару: обнаженная модель, пейзаж, натюрморт. Эти вещи не хочется даже условно расселять по жанровым "квартирам". Потому что в каждой из них "генеральная" задача художника остается неизменной. В каждой из них высвобождается несравненная сила цвета. Он пишет в полусмерках, "в режиме", говорят кинематографисты, когда предметы излучают цвет как бы сами по себе, не вызываемый лучами солнца. Пишет в ярком свете, рождающем ответное сияние всего, что только есть на земле.

Есть у Буха Белокаменная старина, но это — не "исторический" пейзаж, не ретроспекции. Старинные храмы живы, потому что они выстроены цветом, единым, властвующим во всем мире, вчерашнем, нынешнем. Прошлое приравнено к настоящему, то и другое объединяет цвет.

В пейзажах нет, в сущности, примет места и времени. Они — всегдашние, вечные, если угодно. Все в них — однажды, да, наверное, и не раз увиденное. И все-таки, они — ни откуда. Россия? Конечно, конечно Средняя полоса. Но еще более — духовый мир художника, таинственная глубина в которой все, некогда виденное, пережитое соединилось в некую прежде не бывшую духовную субстанцию. Здесь-то и берет начало, все, что пишет Бух.

Здесь ручей свивается в жгут немислимой синевы, берега его — зелень и шафран, а вдали (вверху?) бело-голубая сумятица весеннего неба. Пейзаж — фантазия и отвлеченность, как бы мироустройство, отчасти, наверное, сродни Кандинскому.

Фантазия по-своему организует весь мир художника. Цветы и плоды в его натюрмортах — размеров неслыханных. Их Величества Цветы. Им тесто в холстах и порой они словно бы самопроизвольно прорастают в иные зарамные пространства...

Бух светел. Но при этом он как-то умудряется избегать белого, белизны. Даже его "Белая лошадь" представлена, как цветная, передана цветом. Немногие зоны белого делают нестерпимой яркой порой вполне сдержанную цветовую гамму его полотен.

Многие натюрморты, модели, портреты Буха написаны на темном, исчерна-сером фоне. Но и здесь художник верен себе: сквозь отвлеченную черноту и просвечивает — все-таки просвечивает цвет, как бы там ни было, он — есть, он объединяет в целостную систему фон и изображение.

Бух — несомненный реалист. Потому для него во всем значении стоят проблемы пространства и плоскости, их связи, их соотношений в решении каждого холста. "Дальше-ближе", фигуры произвольно, сообразно принятому композиционному ходу, перемещаются в пространстве холста, утверждая его и одушевляя. Однако, неизменно существенной остается поверхность холста, его фактура. Фигуры бывают отмечены на ней чуть не рельефом. Цветы не умерли, когда начался натюрморт, их жизнь продолжается в живописи, формирующей фактуру. Она топорщится, неуспокоенная, неровная, бугорчатая. Цветы живут жизнью иной, не изображенные, а перевоплотившиеся в натюрморт.

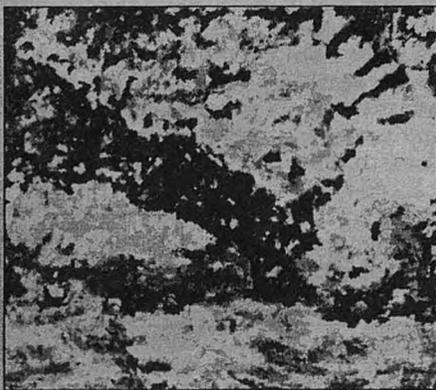
Живопись остается главной целью художника, что бы он ни делал, все примиряя и все оправдывая в его холстах. И когда он пишет свои женские модели, чувственные, готовые к любви и ради любви существующие, он не бывает ни непристоен, ни даже двусмыслен. Ему не крикнешь "Давай подробности!" при всех его обобщениях и недомолвках. Потому что и здесь правит всем живописная задача, и по сути лишь ради нее и существует картина, и не понять это невозможно.

У входа на недавнюю выставку Буха в ЦДХ лежал его мольберт и прочий необходимый художнический инструментарий. Не "мемориал", принятый на выставках мастеров почивших, а постоянные скромные спутники трудовых будней художника. Вынужденный каждый день бывать на выставке, он не желал терять времени зря. Когда еще столько необходимо и предстоит сделать...

Владимир ЦЕЛЬТНЕР

А. БУХ. Оранжевые цветы. 1996.

А. БУХ. Весенний мотив. 1996.

А. БУХ. В голубых вазах. 1996.

А. БУХ. Цветы.